

АЛЕКСАНДРА ДАВИД-ЧЕЭЛЬ ༥༥ ЛАМА ЙОНГДЕН

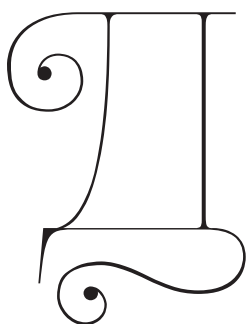
НЕОБЫКНОВЕННАЯ
ЖИЗНЬ
ЦЕСАРА,
ЦАРЯ ЛИНГА

ОРИЕНТАЛИЯ
Москва

ПРЕДИСЛОВИЕ

Для того чтобы мы смогли понять, кто такой Гесар из Линга — великий воин, правитель Тибета, — сначала необходимо прояснить сам принцип «воинственности», или воинского духа. Эта идея на протяжении веков лежала в основе всей традиции

Гесара из Лина, тибетские потомки которого живут и в наше время. Принцип воинственности до сих пор продолжает выделяться и занимает отдельную нишу, несмотря на то что на него, как и на всю тибетскую культуру, повлияло буддийское учение.

Говоря о воинственности, мы не принимаем в расчёт навыки, необходимые, чтобы начать и вести войну в её обычном смысле. Здесь речь идёт не о том, чтобы изучать науку владения смертоносным оружием и не о том, как задействовать нашу агрессивность и отождествление себя с определённой территорией для того, чтобы выбрать наступательную позицию и одолеть всех наших врагов. Воинственность здесь относится к воплощению в жизнь той силы, достоинства и пробуждённости, которые изначально присутствуют в нас, так как все мы являемся людьми. Это раскрытие свойственного нам внутреннего человеческого достоинства, которое позволяет нам радоваться, развивать интуицию и преуспевать в том, что мы делаем.

Поскольку воинственность внутренне присуща людям, то для того чтобы стать воином или следовать по пути воина, необходимо видеть, кто мы, а также — чем мы обладаем, будучи людьми, и развивать это. Если мы посмотрим на себя прямо, без сомнений и смущения, то обнаружим, что в нас заложено много сил и ресурсов, доступных нам постоянно. С этой точки зрения, если мы чувствуем, что у нас нет способностей, мы чего-то не знаем или у нас иссякли идеи, можно сказать, что в этот момент на нас напал злейший враг

воина — наша собственная трусость. Сама суть воинственности заключается в том, что благодаря нашему человеческому потенциалу мы можем выйти далеко за пределы своей ограниченности, переступить через препятствие трусливого ума и увидеть в себе бескрайние просторы внутренних ресурсов и вдохновения.

Трусливый ум зиждется на страхе смерти. Обычно мы пытаемся оградить себя от разных свидетельств того, что в конце концов умрём. Мы постоянно создаём искусственные барьеры, чтобы защититься от непредвиденных ситуаций. Мы сплетаем вокруг себя тёплые коконы, в которых можно жить, чувствуя себя уютно, и всё время спать. Мы пытаемся всё держать под контролем так, чтобы не возникло ничего неожиданного и неприятно шокирующего, что напомнило бы нам о скоротечности нашего бытия, о том, что мы смертны. Когда мы пытаемся оградить себя от смерти — это является противоположным тому, чтобы радоваться жизни. Поддерживая нашу защитную позицию, мы остаёмся окружёнными неким подобием тумана, состоящего из того, что нам привычно. Мы доводим себя до изнеможения, пестуя свою депрессию и общее недовольство жизнью. Фактически непрекращающаяся атмосфера депрессии — это то, что делает наш маленький, искусственно ограниченный мирок таким привычным и схожим с уютным гнёздышком. Основанный на самозащите, этот трусливый подход весьма далёк от чувства истинной радости и веселья, которое присуще состоянию воина.

Быть воином означает, что мы можем беспристрастно взглянуть на себя, увидеть, откуда берёт начало наш трусливый ум, и выйти из-под его влияния. Мы можем обменять нашу маленькую непрекращающуюся тщетную борьбу за собственную защищённость на куда более обширное видение, из которого рождаются бесстрашие, открытость и подлинная отвага. Это не может произойти внезапно, а скорее является постепенным процессом. Первый маячок грядущих перемен появляется, когда мы начинаем испытывать клаустрофобию и удушье от созданного нами кокона. Мы начинаем воспринимать своё якобы безопасное убежище как западню и чувствуем, что этому должна быть какая-то альтернатива. У нас появляется непреодолимое влечение к свежему воздуху, мы ищем отдушину и в конце концов явственно ощущаем восхитительный порыв свежего ветра, заполняющий наше затхлое убежище.

В этот момент мы обнаруживаем, что жить в ограниченности было нашим собственным выбором, а теперь что-то протестует против этого трусливого обороняющегося образа мыслей. Одновременно с этим мы осознаем, что можем легко переключиться, отказавшись от прежней зависимости. Мы можем вырваться из нашей тёмной, скучной тюрьмы на свежий воздух, где есть возможность размять ноги, пройтись, пробежаться или даже потанцевать и поиграть. Мы понимаем, что способны прекратить эту гнетущую борьбу, за счёт которой держится наша трусость, и вместо этого расслабиться в открытом пространстве уверенности.

Очень важно понимать, что мы имеем в виду под уверенностью воина. Воин не пытается обрести уверенность, убедить себя в чём-либо. Он не занимается приобретением какого-либо навыка — как, например, владение мечом, — который всегда послужит ему верным убежищем. С другой стороны, он не поддаётся и идее безысходности, отсутствия выбора, думая, что если только он сумеет продержаться достаточно долго сжав зубы, тогда всё у него сложится удачно. Эти обычные представления об уверенности могут в дальнейшем стать такими же коконами, созданными из других вариантов оборонительной позиции и изначальной агрессивности.

Здесь мы говорим об уверенности, естественно присущей воину. Это означает, что он находится в состоянии некой убеждённости, не связанной с состязательностью или борьбой. Уверенность воина необусловлена. Другими словами, поскольку он не отвлекается ни на какие трусливые мысли, то может пребывать в непоколебимом и пробуждённом состоянии ума, которое не нуждается ни в каких ориентирах.

С другой стороны, нельзя сказать, что как только воин раскрыл свою внутреннюю уверенность, ему больше ничего не нужно делать. Во многих отношениях путь воина очень схож с буддийским представлением о пути самоотверженной активности, которым идёт бодхисаттва.

Бодхисаттва — это практик, который не может быть удовлетворён возможностью индивидуального

освобождения от страданий сансары, но героически берёт на себя обязательство не успокаиваться до тех пор, пока не спасёт всех живых существ. Подобным образом воин, обладающий уверенностью, не просто гордится тем, что увидел природу своего кокона и смог выйти за его пределы. Он не может просто расслабляться в ощущении самодовольства по поводу своих достижений или даже в чувстве своей свободы и раскрепощённости. Скорее, его понимание и личное переживание клаустрофобии трусливого ума служат вдохновением для освобождения других, подобно освобождению себя самого. Он фактически не может игнорировать страдание и депрессию, которые видит окружающих. Поэтому из его необусловленной уверенности естественным образом произрастает спонтанное сострадание.

Сострадание воина проявляется в различных качествах, которые происходят из самой сути его базовой уверенности. Так как уверенное состояние ума воина является самосущим состоянием, а не продуктом агрессии, то он не высокомерен и незаносчив. Напротив, в отношениях с другими он кроток, добр и сдержан. Воин не скован сомнениями и оттого может быть ироничным, вдохновенным и дерзким в своих действиях. Он не захвачен мелочностью надежд и опасений, поэтому его видение обширно, и он не боится совершать ошибки. В итоге его ум становится безмерно глубоким, как пространство, и он достигает полноты превосходства над всем миром явлений. Помимо всех этих

качеств воин обладает мощной интуицией. Он не ограничен и не подавлен обстоятельствами, но с искренней любознательностью и жизнерадостностью приемлет их как часть своего пути.

В своём поведении уверенный воин мягок, бесстрашен и рассудителен. Мягкость исходит из теплоты человеческого сердца. Благодаря сердечному теплу уверенность воина не жёсткая и в то же время не хрупкая. Качество это можно описать скорее как восприимчивость, открытость и нежность. Именно наша мягкость позволяет нам чувствовать симпатию, быть добрыми, влюбляться. Но в то же время мы не являем собой одну лишь мягкость. Мы можем быть в равной степени жёсткими. Мы можем быть как бесстрашными, так и нежными. Воин встречает мир с некоторым чувством дистанции, отстранённости и аккуратности. Этот аспект уверенности является естественным инстинктом бесстрашия, который позволяет воину принять вызов, не теряя своей целостности. В конечном счёте наша уверенность выражается как изначально присущая нам рассудительность, которая возносит обычную мягкость и бесстрашие на уровень воинственности. Другими словами, именно рассудительность не даёт мягкости превратиться в дешёвый романтизм без ясности присутствия, а бесстрашие стать бравадой. Рассудительность — это наше чувство пробуждённой любознательности. Это то, что позволяет нам высоко ценить и наслаждаться яркостью качеств окружающего нас мира.

Итак, какое всё это имеет отношение к Гесару из Линга, могущественному воину-царю, который владел магическим оружием, ездил на волшебном крылатом коне и уничтожал бесчисленное количество демонов и врагов священных учений? Если мы попробуем выразить более традиционным языком воинственности всё то, что было сказано выше, то это поможет нам установить связь с Гесаром.

Мы уже называли трусость врагом воина. Трусость — это сбивающее, отвлекающее качество нашего невротичного ума, которое мешает нам пребывать в естественном состоянии устойчивой пробуждённости, которое мы называем уверенностью воина. Трусость — это фактически та сила зла, что препятствует нашей основополагающей добродетели, то есть нашему изначальному состоянию уверенности, в котором нет ни трусости, ни агрессивности, ни злости. С этой точки зрения целью воина является победа над врагом, подчинение зла, заключённого в трусливом уме, и освобождение нашей фундаментальной добродетели — нашей уверенности.

Когда мы говорим здесь о победе над врагом, очень важно понимать, что речь не идёт о какой-либо агрессии. Истинный воин не должен быть обидчивым и высокомерным. Амбиции или заносчивость являются просто другим аспектом трусливого ума, ещё одним врагом в контексте нашей воинственности. Поэтому для воина совершенно необходимо подчинить его собственное тщеславие одновременно с подчинением

более явных врагов. В целом идея воинственности такова, что если мы сможем не страшась и в то же время мягко и рассудительно встретиться лицом к лицу с нашими врагами, то сможем развиваться и в конце концов достичь самореализации.

С таким пониманием принципа воинственности мы можем обратиться к истории Гесара из Линга. На этом этапе мы можем рассматривать всю эту историю как демонстрацию работы ума воина. Гесар представляет собой идеального воина, принцип всепобеждающей уверенности. Ведомый силой благоразумия, он побеждает всех своих врагов — злые силы четырёх сторон света, — которые отвращают умы людей от истинного учения Будды, утверждающего возможность достижения полной самореализации. Эти враги четырёх сторон света довольно красочно символизируют собой различные проявления трусливого ума, который идеальный воин подчиняет силой своей непобедимой уверенности.

Магическое оружие Гесара и его волшебный крылатый боевой конь также являются основными принципами энергии в мире воина. Оружие символизирует саму воинственность. Воин вооружается не потому, что боится нападения. Его экипировка — выражение его самоидентичности. Оружие в действительности притягивает качества воинственности и вдохновляет воина на то, чтобы быть храбрым и в то же время кротким. Крылатый конь Гесара символизирует уверенность воина. Он является идеальным образом чего-то

красивого, романтического, энергичного и дикого, что воин может оседлать и на чём он может ехать верхом. Такой конь может быть весьма опасным и непригодным для езды. Но смысл заключается в том, что когда воин вызвал и победил врагов четырёх сторон света, он может управлять великим крылатым конём уверенности и успеха с достоинством и гордостью.

Я с огромным удовольствием откликнулся на просьбу написать предисловие к этой книге, потому что считаю себя потомком Гесара. Я горжусь тем, что являюсь представителем традиции воинов, и надеюсь, что прояснение этих ценных учений поможет другим людям привнести вдохновение в их жизнь благодаря примеру жизни царя Гесара.

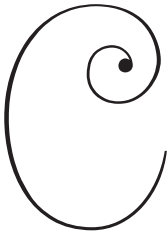
*Преподобный ваджрачарья
Чогьям Трунгпа Ринпоче
Май 1979
Боулдер, Колорадо*

ВСТУПЛЕНИЕ

Историческая личность Гесара —
Чудесное воздействие песен из эпоса
о Гесаре — Тибетские истории
о Будде — Концентрация мысли
рассматривается как определяющий
фактор перерождения — Персонажи,
участвующие в поэме — Чистая
Земля Медноцветной горы — Легенды
и предсказания о возвращении Гесара —
Джанг Шамбала, мистическая Северная
Страна

реди небольшого количества трудов, переведённых с тибетского языка, лишь немногие доступны для чтения непосвящённым. Значимость подобной литературы несравнима с текстами философского и религиозного характера, которые вкупе с каноническими, переведёнными с санскрита, составляют тысячи неповторимых произведений, авторство которых не всегда может быть достоверно установлено.

Конечно же, в Тибете, как и в других странах, существуют популярные литературные труды; однако, как и всё в тибетской культуре, они тесно связаны с религией. Эта литература состоит из произведений различного характера: история, легенды, поэзия, география, путешествия, а также руководства по медицине, астрономии и астрологии.

Стоит отметить, что произведений художественного жанра, в частности романов, в Тибете не существует. Здесь фикция воспринимается как нечто отвратительное. Конечно же, авторы часто используют воображение во всей полноте, а фантастические элементы откровенно присутствуют в таком изобилии, что легенды более подходят на сказки.

Тем не менее все экстравагантные чудеса, которыми наполнены повествования, происходят с жившими на самом деле героями, а истории являются подлинными от начала и до конца. «Что проку писать о том,

что не является правдой», — заметил тибетец, которому я объясняла, что такое роман, и что многие у меня на родине любят проводить время за их чтением.

Тибетская литература для общедоступного чтения состоит из нескольких широко известных произведений, и самое известное среди них — это эпос о Гесаре из Линга.

Существует несколько версий поразительной истории Гесара. Хотя их детали порой сильно разнятся, тем не менее в основных моментах все они схожи. Дж. Хакин составил подобное мнение на основании трёх известных ему версий эпоса и заявил, что у легенд об этом герое общее происхождение. Версии, которые я собирала в Восточном Тибете (Кхаме) и которые намного превышают по объёму упомянутые три варианта, подтверждают это мнение. Если принять во внимание тот факт, что версия, изложенная в этой книге, — самая распространённая в Тибете, и что к ней прибегают не только в Кхаме, который считают родиной Героя, но также в Лхасе и во всём остальном Тибете, я позволю себе называть её официальной.

Десять-двенадцать веко в назад Сага о Гесаре состояла всего из двух или трёх песен. Их исполняли безымянные барды-сказители, вдохновлённые разрозненными историями о деяниях великого царя-воителя. Передаваемые во многих местностях, эти песни послужили основой для создания ныне известной версии.

Европейскому вниманию был впервые представлен монгольский вариант истории. В 1839 г. Я.И. Шмидт

кратко изложил его на немецком языке. Действие монгольской саги происходит в более примитивном окружении по сравнению с кхамской версией. Кроме того, последняя содержит в себе множественные и обширные отступления на тему философии буддизма. Я опустила их, чтобы сократить объём данного произведения до одной книги.

С самого начала в монгольской версии ясно вырисовывается личность Гесара. Его миссия — сделать так, чтобы порядок и закон правили на земле, и искоренить несправедливость и насилие. В эпосе, исполняемом кхамскими сказителями, акцент ставится на роли защитника Учения. Однако в тибетском языке значение слова «чо» (Дхарма, Учение) включает также «моральный закон», «равенство» и «защита более слабых». От Гесара ожидают справедливого воздаяния и отмщения, и, полагаясь на определённые предсказания, многие ждут его повторного прихода на землю.

Моравский миссионер А. Х. Франке разыскал ещё две версии эпоса в Ладакхе. Одна из них очень похожа на кхамский вариант. Например, в ней есть описание убийства демона-великана, а также того, как его вдова, полюбившая Гесара, очаровывает Героя и оставляет у себя. Там есть история похищения жены Гесара царём Хора, описание того, как Гесар выдаёт себя за подмастерье кузнеца, и прочие события. Тем не менее они имеют различия в некоторых деталях. Эти истории кратки, а дух и настроение этих песен существенно отличаются от вариантов, распространённых в Кхаме.

Как и в случае со многими другими легендами, вероятнее всего, что легенда о Гесаре основывается на реальных исторических событиях. Этот обожествляемый воинствующий предводитель, рассказы о котором, приукрашенные фантастическими описаниями, дошли до нашего времени, несомненно существовал на самом деле и жил не так давно, примерно в VII–VIII вв. нашей эры.

Сарат Чандра Дас, индийский исследователь Южного Тибета, пишет о том, что Гесар был царём, правившим в Китае, в провинции Шэньси, а также указывает, что кхампы и монголы считают его своим соплеменником.

Однако монгольская версия эпоса не даёт этому подтверждений, к тому же Гесар часто заявляет: «с нами, тибетцами» или «наш Тибет». В эпосе также рассказывается, как принцесса Ронга Гоа, направившись в Тибет, чтобы найти там мужа, достойного её руки, становится женой Гесара.

Когда я жила в Восточном Тибете, у меня было много возможностей собрать детали, уточняющие происхождение Гесара. Там я встретила одного предводителя, который был прямым потомком приёмного сына Гесара и которого тоже называли «Царь Линга».

Есть один факт, о котором Франке не знал в 1902 году. Территория Линга географически располагалась на землях Кхама. В близлежащих местностях можно узнать места, описываемые и упоминаемые в эпосе.

Например, очень важную часть легенды занимает борьба между жителями Линга и Хора, а земли Хора

действительно находятся рядом с Лингом. Читатель может увидеть, что их главный город указан на карте провинции Сычуань (Китай). Он называется Кандзе или Хор-Кандзе и расположен на караванном пути из Тачиенлу в Лхасу.

Есть ещё две области под названием Хор. Одна из них называется Хор-Нагчукха и лежит к северу от великого озера Тенгри, а вторая находится в Туркестане.

В кхамской версии армия Гесара, выдвинувшись на рассвете, достигает границ Хора в тот же самый день, что соответствует по времени расстоянию, которое отделяет Линг от границ территории, на которой располагается Хор-Кандзе. В ладакхской версии Хор и Линг также описаны как граничащие друг с другом.

Остальные места, упомянутые в легендах, можно найти к северу от Юннаня или в местностях, граничащих с Лиджангом, Юннингом, Шунгтьеном и Атунзе.

Те культурные особенности, которые описаны в поэме, свойственны поселениям, занимающимся скотоводством и земледелием, расположенным у восточной границы великих горных долин.

Можно предположить, что двое или даже несколько предводителей в разных странах носили имя Гесар. Такое предположение могло бы объединить версии кхамце в и монголов, объяснить разные подробности, а также различия в словах и действиях Героя и его окружения. Я также склонна верить, что царь Гесар, правивший в Шэньси — святой, искусный чудотворец, — пришёл из Страны Снегов и был полководцем,

который смог продвинуться далеко за границы главного города Шэньси, Синаньфу.

Тибет — сравнительно небольшого размера государство в наше время — в седьмом веке был великой державой. Его армии в прошлом подчинили себе весь западный Китай, Туркестан и Непал, а в эпосе даже повествуется о походе на принца Персии.

Всё свидетельствует о том, что изначально песни, восхваляющие деяния Гесара, передавались устно. Затем — в период, который сложно точно датировать, некоторые из песен были собраны, записаны и упорядочены по темам.

Практически невозможно встретить собрание, в которое были бы включены все части эпоса. Каждый сборник описывает лишь некоторые похождения Героя: завоевание царства Сатама, захват лекарств, хранившихся у мутегп, и так далее. Либо же он посвящён той роли, которую играет какой-либо из персонажей, например Дигчен Шенпа.

В Тибете, особенно в восточной его части, полагают, что песни из эпоса о Гесаре имеют защитные свойства. В местности Голог я набрела на путников, которые пели вслух.

На мои расспросы они ответили, что поют отрывки из истории о Гесаре. Они считали, что в случае, если на них нападут грабители, они смогут одолеть их благодаря тому мужеству, силе и неуязвимости, которыми наделяют их песни о Гесаре. Они также рассказали мне о некоторых чудесах: о том, как верующие певцы прошли

незамеченными мимо врагов, ожидавших их в засаде; как другие, попав в бурный горный поток, были словно пойманы невидимым лассо, которое вытащило их на берег.

Жители Кхама с благоговением и почтением воспевают и слушают эпос наравне со священными буддийскими текстами.

Сюжет о двух женщинах, с которого начинается повествование, либо полностью заимствован из Индии, либо представляет собой тибетское переложение индийской легенды. История бодхисаттвы, который впоследствии достиг состояния Будды, описывается и в классических буддийских повествованиях. Однако такую версию, по которой бодхисаттва переродился в Индии после того как принёс себя в жертву в Тибете, я не встречала нигде, кроме эпоса о Гесаре.

В Тибете существует множество историй о прошлых жизнях Будды. Я приведу одну из них, где рассказывается о том, как началась длинная череда его благих перерождений.

У одного богатого человека было много лошадей, с которыми он обращался так жестоко, что многие из них скончались от его побоев. Когда этот человек умер, то переродился в аду¹ в лошадином теле. Там он был запряжён в колесницу вместе с двумя другими

¹ Скорее чистилище, чем ад, так как те, кто перерождаются там в силу накопленной ими неблагодой кармы, не остаются в адах навечно, но затем могут переродиться в других мирах. (Здесь и далее по тексту нами сохранены оригинальные примечания А. Давид-Неэль из издания 1931 г. — Прим. ред.)

существами, похожими на него. Демон-возница восседал в очень тяжёлой колеснице, которую лошадям нужно было тащить вверх по крутому склону. Трое животных не могли даже сдвинуть её с места, а возница постоянно избивал их железным кнутом.

Эта пытка длилась на протяжении неизмеримо долгого времени. Затем человек, в прошлом издевавшийся над своими лошадьми, проникся чувством глубокого сострадания к тем, кто испытывал мучения подле него, и, охваченный этим чувством, он полностью избавился от эгоизма. Поверну в голову к демону, что держал их в упряжке, он сказал:

— Отпусти этих бедных животных. Отвяжи их, оставь только меня. Я смогу вытащить повозку на вершину горы.

— Что?! — вскричал демон в бешенстве. — Вы и втроём не можете этого сделать, а ты хочешь выполнить всю работу сам! Вот тебе, наглый глупец! — и он ударил его со всей силы по голове своим железным кнутом.

Лошадь упала замертво. Такова была сила его сострадательной мысли. И освободился он от этого тела не потому, что искупил некий прошлый грех схожими муками, а из-за возникшего в нём чувства, которое вызвало трансформацию бездушности, приведшей к столь мучительному перерождению. И поскольку в этом существе более не осталось прежнего жестокосердия, что удерживало его в этом воплощении, то он переродился в другом мире, и с этого момента

постоянно самоотверженно трудился на благо других существ.

Историям, в которых повествуется о необыкновенной силе пожеланий и устремлений, особенно — но необязательно — выраженных в момент смерти и сопровождаемых глубокой концентрацией мысли, нет числа в странах, где верят в непрерывные перерождения. Поэтому пролог, с которого начинается эпос о Гесаре, не является чем-то необычным в рамках этой логики.

В следующей части пролога на сцене появляется наиболее восхваляемая фигура во всём Тибете — Гуру Ринпоче Оргъен Пема Джунгне (Драгоценный Учитель, рождённый из лотоса в стране Уддияна), и на санскрите его имя звучит как Гуру Падмасамбхава.

Кем был Падмасамбхава? Позже ставший прославленным махасиддхой, он был рождён волшебным образом из лотоса посреди озера неподалёку от владений царя Индрабхути. По этой причине он стал известен как Падмасамбхава — «тот, кто появился из лотоса». На тибетском его имя звучит как Пема Джунгне, но часто его называют просто Гуру Ринпоче (Драгоценный Учитель), или Гуру Пема.

Страна Оргъен, или Уддияна, в которой он чудесным образом проявился, как полагают, была расположена в районе современных Пакистана или Афганистана.

Попытки распространить буддизм в Тибете до восьмого века были практически безуспешны. В то время

монах по имени Шантаракшита, удручённый варварскими обычаями тибетцев, посоветовал царю Трисонг Децену пригласить Падмасамбхаву и убедил его, что именно этот мастер сможет подчинить демонов, находящихся на службе у последователей бонского шаманизма, и обратить в новую веру его подданных. Падмасамбхаве удалось это сделать, и он смог объединить внешнюю, ритуальную часть прежней религии с исконно буддийским учением.

Рождённый волшебным образом Падмасамбхава и не умирал. Завершив свою деятельность в Тибете, он затем удалился в Зангдок Палри (Великолепная Медноцветная Гора). Существует множество описаний и иконографических изображений этой чудесной горы. Тибетцы верят, что Падмасамбхава живёт там среди огромных ужасных каннибалов, ракшасов, в облике их правителя, чтобы контролировать этих существ, не позволяя им захватить мир и уничтожить человечество.

В своём дворце в Зангдок Палри Падмасамбхава окружён множеством прекрасных и мудрых богинь-*дакини*. Красота этих чудесных созданий находится за пределами человеческих представлений. У некоторых из них кожа голубого, а ресницы и волосы золотого цвета. Другие — пылающего красного цвета, изящные, змееподобные. А некоторые — цвета тёмного, как ночь, гигантских размеров и с горящим взглядом.

Дакини обитают не только в Зангдок Палри. Йогини могут встретить их во многих священных местах.

Часто к ним обращаются как к матерям, и они являются хранителями тайных учений.

Также в Зангдок Палри живут многие ученики Падмасамбхавы. Место это описывается как райский мир с завораживающими взор пейзажами, усеянный чудесными цветами и населённый грациозными животными.

Хочу сказать несколько слов о демонах, которые играют важную роль в эпосе о Гесаре.

Тибетское представление о демонах сильно отличается от существующего на Западе. Для них демоны не являются ужасными обитателями адов, которые порой сбегают из них, чтобы причинять людям вред или искушать их всевозможными соблазнами. В понимании тибетцев сама суть демонического существа пронизана злом и жестокостью, оно находит удовольствие в том, чтобы причинять другим страдания. Такая сущность может жить в облике человека, животного, духа, дакини, *дака*, полубога-*асура* и прочих, а также в любом месте, кроме Чистых Земель, куда она не может попасть в силу свойственного ей поведения и привычек.

Я уже упоминала, что тибетцы не признают такого литературного жанра, как роман, а то, что написано в книгах или передаётся устно, считают правдой. Без сомнений эпос о Гесаре никоим образом не подвергался критическому анализу. Для большинства слушателей невероятность его приключений и противоречивость

его поступков не является очевидной. Но таково свойство восприятия, основывающегося на вере, а с появлением сомнений вера исчезает.

Тем не менее избыточная фантастичность легенд имеет под собой ещё одну причину. Мировоззрение обитателей Страны Снегов пронизано убеждёностью в том, что окружающий мир не настолько плотный и однозначный, каким он считается на Западе. Поэтому несоответствие некоторых сюжетов эпоса и странность поступков и решений, свойственных персонажам легенд, воспринимается тибетцами легко и естественно.

Нужно упомянуть, что многие действующие лица в поэме являются *тулку* божеств. «Тулку» по-тибетски — это чудесное проявление существа, обладающего сверхъестественными способностями. Создатель тулку не всегда является святым или махасиддхой; злонамеренные существа, демоны, тоже обладают такими силами.

К тому же тулку, хоть и состоит из плоти и крови и может быть рождён обычным образом (как в случае с ламами, которых также величают «живыми буддами»), по сути является лишь воплощением воли того, кто его проявил. Иногда, если есть необходимость лишь в инструменте для выполнения какой-то краткосрочной задачи, создаётся фантом, внешне похожий на живого человека или животное. В таком случае он называется *тула*. Выполнив свою задачу, он растворяется, как мираж.

Возможно, тот факт, что многие персонажи эпоса являются такими волшебными созданиями, помогает с лёгкостью воспринимать фантастичность их деяний.

С эпосом о Гесаре связаны различные предсказания, большинство из которых имеют отношение к приходу следующего Будды. Во всех них возвращение Гесара предшествует наступлению новой эры. Чем будет отличаться то время, не очень ясно, но в общих чертах можно сказать, что тогда на Земле будет больше справедливости, чем сейчас.

Новоявленный Гесар будет вершить свои деяния в качестве воина. А местность, в которой он появится, называется Джанг Шамбала (мистическая Северная страна умиротворения). Вера тибетцев в Шамбалу, возможно, берёт начало в древних индийских текстах, в которых упоминается Уттаракуру, которую индийцы называли страной вечного блаженства. Однако подобные легенды ходили в Тибете и до того, как на тибетский язык были переведены индийские религиозные труды.

Некоторые же ламы склоняются к мистическому толкованию понятия Шамбала: «Шамбала находится в уме» — такую фразу я слышала не раз.

Если дословно и полностью перевести эпос о Гесаре, то получится произведение, состоящее из множества огромных томов. Бесконечные преамбулы, сопровождающие каждую песнь: призывания божеств — охранителей персонажей, которые сейчас начнут свою речь,

перечисление их имён и титулов, генеалогия действующих лиц, а также бесчисленные подвиги и цикличные повторения того, что было только что сказано и пересказано, как это заведено у всех азиатских сказителей. Всё это составило бы труд гигантских размеров.

Одна из рукописей, которую я переводила, касается эпизода борьбы Гесара с царём Сатамом и содержит семьсот сорок восемь страниц. Сказитель из Кьюрку пел одну из поэм более шести недель, в день он давал по два трёхчасовых представления. Более того, я попросила его сокращать те пассажи в истории, которые я хорошо знала из предоставленных мне ранее материалов, и мне требовалось лишь сравнить их с его версией.

И хотя представленный здесь эпос облегчён для восприятия, он тем не менее содержит все главные события в жизни Героя. Я опиралась в своей работе на рукописи, которые смогла достать, а также на заметки, сделанные по другим рукописям, и записи, сделанные мной и ламой Йонгденом во время исполнения песен различными сказителями.

Хотя версии устных сказителей и бумажных рукописей сходятся в главном, у них всё же есть отличия в некоторых деталях. Когда я сталкивалась с подобным, то выбирала для составления данной работы тот вариант, который встречался чаще всего.

Александра Давид-Неэль